

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ АННЕНКОВ

ДЕЛОВОЙ РОМАН
В НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ.
«ТЫСЯЧА ДУШ»,
РОМАН А. ПИСЕМСКОГО

Павел Анненков

**Деловой роман в нашей
литературе. «Тысяча
душ», роман А. Писемского**

«Public Domain»

1859

Анненков П. В.

Деловой роман в нашей литературе. «Тысяча душ», роман
А. Писемского / П. В. Анненков — «Public Domain», 1859

«Новый замечательный роман г. Писемского не есть собственно, как знают теперь, вероятно, все русские читатели, история тысячи душ одной небольшой части нашего православного мира, столь хорошо известного автору, а история ложного исправителя нравов и гражданских злоупотреблений наших, поддельного государственного человека, г. Калиновича. Автор превосходных рассказов из народной и провинциальной нашей жизни покинул на время обычную почву своей деятельности, перенесся в круг высшего петербургского чиновничества, и с своим неизменным талантом воспроизведения лиц, крупных оригинальных характеров и явлений жизни попробовал кисть на сложном психическом анализе, на изображении тех искусственных, темных и противоположных элементов, из которых требованиями времени и обстоятельств вызываются люди, подобные Калиновичу...»

© Анненков П. В., 1859

© Public Domain, 1859

Павел Васильевич Анненков Деловой роман в нашей литературе. «Тысяча душ», роман А. Писемского

Новый замечательный роман г. Писемского не есть собственно, как знают теперь, вероятно, все русские читатели, история тысячи душ одной небольшой части нашего православного мира, столь хорошо известного автору, а история ложного исправителя нравов и гражданских злоупотреблений наших, поддельного государственного человека, г. Калиновича. Автор превосходных рассказов из народной и провинциальной нашей жизни покинул на время обычную почву своей деятельности, перенесся в круг высшего петербургского чиновничества, и с своим неизменным талантом воспроизведения лиц, крупных оригинальных характеров и явлений жизни попробовал кисть на сложном психическом анализе, на изображении тех искусственных, темных и противоположных элементов, из которых требованиями времени и обстоятельств вызываются люди, подобные Калиновичу.

Автор не изменил своей манере притом: отличительное качество его таланта – выражать мысль своей посредством дела, – и одного дела, не прибегать к помощи описания характеров, а прямо возлагать на точное изображение их все свои авторские надежды, выдавая публике целиком образы и фигуры, без всякого косвенного ходатайства или хитрой рекомендации, – все эти качества в большей части случаев остались за ним и теперь. Разница только в том, что по самой глубине, разнообразию, *смешанному* свойству побуждений, одушевляющих новый мир, куда вступил автор, природные качества его таланта уже не могли действовать с той свободой, полнотой и уверенностью в себе, какими отличались прежде. В большей мере, чем при каком-либо создании из простой, цельной (хотя бы и грубой) жизни, тут требовались выбор, долгие соображения, мучительная работа отыскания верной и выразительной ноты для главного певца, к которой способен бы был пристроиться и весь хор остальных голосов. Нет сомнения, что автор вышел победителем из тяжелой задачи, им себе заданной, и новый роман, может статься, более всех прежних произведений его свидетельствует о силе его таланта, одолевающей при случае весьма значительные препятствия; но нет сомнения также, что упорный труд, предшествовавший и сопутствующий роману, неизбежно отразился на самом создании и лишил его того полета, той увлекающей силы, которые едва допускают заметку или возражение со стороны читателя, оставляя после себя только удовольствие разбирать произведенное ими впечатление и дополнять его новыми соображениями, возникающими в душе, как благодатные последствия представленного ей зрелища.

Не будем требовать однако ж от писателя тех свойств, которые уничтожаются самим содержанием выбранного им предмета. Какая уж история преобразователя совершается спокойно, не возбуждая горьких сомнений в уме самого историка и подчас не запутывая его суждения до того, что из-под пера его исходит нетвердый и двусмысленный приговор. Ведь преобразователи малые и великие, а равно и история их, стоят всегда между двумя противоположными воззрениями, взаимно исключаящими друг друга, и сохранить тут золотую середину, а особенно свободу и развязность изображения, бывает весьма трудно, иногда невозможно. Нам достаточно, что автор заключил фалангу мыслящих и бездействующих героев повествовательной литературы нашей выводом на сцену лица, по преимуществу деятельного и притом трижды деятельного: на литературном, жизненном и гражданском поприще. Вот наконец и Геркулес, готовый на все двенадцать подвигов, и не только готовый, но и совершающий их. Для нас очень важно знать, как смотрит на него сам автор, потому что от воззрения автора зависит в сильной степени и душевное настроение читателя. Если писатель с иронией обращается к выведенному лицу, на долю последнего выпадает горь-

кая участь. Как он ни старайся показать себя затем с хорошей стороны, как ни моли о снисхождении и о правах своих – ничто не поможет: характер запятнан иронией автора, словно клеймом, и, под каким бы платьем ни явился, клеймо неотвязчиво мелькает перед глазами читателя. То же и наоборот: если писатель отличил героя своей симпатией, то уже много надобно неосторожных поступков, вертопрашества и легкомыслия, чтоб погубить действующее лицо во мнении читателя, да и тогда еще все-таки остается кое-что, все-таки вырвется иногда ласковое и задобрывающее слово. В новом произведении А.Ф. Писемского не видно ни большой симпатии, ни явной иронии к главному персонажу романа, г. Калиновичу, однако же пустить его гулять по свету без всякого аттестата с своей стороны, автор, разумеется, не мог. Калинович – прежде всего публичный человек, а публичный человек вызывает необходимо суждение и толки; их надо, по крайней мере, предупредить и направить. Исполняя обязанность эту, автор наш уже принужден был отступить от роли отца, который может только одно из двух: или любить, или ненавидеть свое детище, – и принял роль бесстрастного судьи, который, пожалуй, не затруднится разложить на две разные кучки достоинства и недостатки подсудимого и, соображаясь с величиной той или другой из них, составить свое суждение. В первой части романа Калинович по ненасытному, но мелкому честолюбию, по сухости сердца, способного на отвратительное лицемерие, по эгоизму, приносящему в жертву доброе имя и честь его любовницы Настеньки и не отступающему даже перед самой безобразной ложью, Калинович является нам гораздо ниже того грубого, но добродушного общества, которое его окружает и перед которым он гордится своей приличной физиономией. В последней, четвертой части, когда, миновав лабиринт темных и большей частью позорных интриг, Калинович достигает своего жизненного идеала, становится славен, богат, силен и деятелен, является у автора нечто похожее на сочувствие к нему и на увлечение. Он горячо и по обыкновению мастерски описывает нам подвиги этого человека, ополчившегося на злоупотребления и начинающего истреблять их направо и налево в кругу своей власти, помимо всех местных соображений, иногда помимо приличия и необходимости, иногда даже помимо закона и установлений. Со всем тем (и это великое достоинства романа!) суждение читателя о Калиновиче нисколько не задерживается проблесками меняющихся отношений автора к герою: истина всех изображений так велика у автора, характер лица так полон жизни и правды, тип так ясно обрисован, что настоящая мысль романа является сама собой. Калинович есть произведение той самой почвы, от которой он хочет отделиться, которую он хочет исправить, которую попирает с презрением и из которой, при действительной обработке ее, он, вероятно, будет первый вырван и отброшен, как сорная трава. Здесь изобразительный талант автора одержал победу над запутанностью предмета, сложностью психологической задачи и, как нам кажется, над нетвердостью и колебанием собственной мысли его.

Странно однако же покажется читателю, что мы постоянно говорим о Калиновиче, как будто он один, в ложном своем величии, наполняет весь роман. У такого писателя, как г. Писемский, должны же быть те живые, чрезвычайно выпуклые и оригинальные физиономии, которые он вырывает из толпы удивительно легко и смело, ставит перед глазами читателя на несколько мгновений, ослепляя их поразительной верностью изображения, и возвращает снова в толпу; должны быть, наконец, и мастерские описания провинциального быта, отличающиеся теплым колоритом, свободой и широтой кисти. Действительно, и того и другого очень много в новом романе. Начиная перечень наш с лиц – стоит только вспомнить наставников Эн-го училища, ленивого, мрачного сторожа Терку, мистического ростовщика почтмейстера, сурового настоятеля Эн-го монастыря, самого отца Настеньки, добродушного до ребячества Годнева, параличную старуху высшего общества, у которой вся жизнь ушла в желудок, блестящего князя Раменского, такого развязного и свободного по наружности, но существование которого держится позорной связью и висит постоянно на одном волоске, удивительного подрядчика Папушкина, этого великого практического философа,

инстинктом угадывающего, где настоящая сила и где подлог, и множество других лиц еще. А в описаниях сколько страниц, не оставляющих воображению почти никакого дела, так с первого разу рисуют они предметы во всей их неотъемлемой целостности, и притом не с помощью дагерротипного перечисления и свода подробностей, а с помощью двух-трех крупных черт, схваченных, так сказать, налету. Можно ли забыть, прочитав раз, изображение уездного городка, которое после таких же изображений в «Мертвых душах» и романе «Кто виноват?», еще поражает свежестью и оригинальностью; а далее рассказ о путешествии Калиновича с купцом из Эн-ка в Петербург, рассказ о впечатлениях, испытанных героем, затерянных посреди холодного, малоприветливого города; наконец, можно ли забыть великолепное описание его представления директору департамента, сцен в приемной последнего и множества других подробностей. Все это обличает такую степень творческой наблюдательности, которая не нуждается в усилении и вполне надеясь на себя, передает свои приобретения просто и легко, окрашивая их при случае особенным юмористическим цветом: ничего переговоренного, ничего недосказанного тут, конечно, уже не встретится. Недостатки эти являются у автора только тогда, когда, нарушая естественный, природный ход своей наблюдательности, он вздумает насиловать ее, искусственно изодрать и направлять к тому, мимо чего она прошла без внимания. Недостатками этими страдает большая часть второстепенных лиц второй и третьей части романа, описывающего судьбу и приключения Калиновича в Петербурге. Для второстепенных лиц существуют своего рода законы: лица эти не имеют права составлять явления, столь же или еще более значительные, чем главные действующие характеры, так как они не могут надеяться на достаточно полное, внимательное изображение, а между тем физиономия журнального труженика Зыкова, и физиономия нравственного сибарита Белавина именно таковы, что просят настоящей кисти художника. Все, что о них не договорено, есть преступление перед ними, и это особенно верно в отношении Зыкова; портрет его искажен, потому что едва набросан, и каждая беглая черта, посредством которой автор старается уловить его выражение, только увеличивает несходство и распространяет недоразумение. Произвольно и не всегда ловко выведены также некоторые подробности аристократической, светской жизни, хотя все основные мысли и мотивы ее замечательно верны. Все более труда стоило воображению автора идеальный тип любовницы Калиновича, оригинальной Настеньки Годневой: но о нем мы скажем несколько слов впоследствии.

Со всем тем, оставляя в тени многие блестящие стороны романа, мы считаем себя вправе говорить преимущественно о Калиновиче – и вот на каких основаниях. С первых страниц является он нам как публичный деятель, и постоянно затем, в продолжении всего романа, мы заняты историей развития его «карьеры». Говоря прямо – другого содержания роман не имеет. Мы видим, как зарождается будущий важный чиновник, как усиливается он пробить себе дорогу, как по ошибке, свойственной молодости, пробует он иной, литературный путь, к которому нисколько не предназначен судьбой, как покупает видное место и положение ценой собственной чести и человеческого достоинства, и как, отбрасывая все другие стремления, делается наконец чистейшим экстрактом делового человека. История возникновения публичного деятеля составляет настоящую интригу романа: бедная Настенька, богатая Полина, коварный князь, и петля, смеем выразиться, которую стараются набросить все три лица эти, каждое со своей стороны, на героя нашего, имеют для нас второстепенное значение, потому что истинный смысл романа заключается не в них. Он весь в служебном значении Калиновича, общественная важность новых чиновничьих идей, приносимых им с собой, оценка их и изображение неспособности их возвысить характер, лишенный от природы нравственного достоинства, а затем описание способов, какими непризнанные реформаторы стараются доставить торжество своим воззрениям, скрывая за ними бедность и моральное ничтожество своей натуры, – вот где истинный смысл романа и его исходная точка: тут и настоящее содержание его, тут и единственная его «интрига». Все прочее имеет

только обманчивый вид дела и, при внимательном рассмотрении, оказывается тотчас же простым орудием для развития главной мысли, а потому легко и естественно заслоняется фигурой Калиновича. Все другие лица романа существуют по милости его – он один существует независимо и свободно. Мы знаем, что этому выводу на первый план общественного вопроса в форме Калиновича роман обязан огромной занимательностью и огромным успехом, мы знаем также, что никто еще не олицетворял с такой смелостью и с таким мастерством, как автор наш, одно из явлений современного бюрократического мира, но вместе с тем решаемся сделать и несколько чисто эстетических замечаний по этому поводу. В глазах многих эстетические замечания уже потеряли всю свою цену и стали похожи на линейки, по которым пишут обыкновенные люди, не умеющие писать или передающие чужое слово, – но обойтись совершенно без эстетических замечаний при разборе художественного романа, согласитесь, тоже не совсем возможно. Необходимость должна служить нам оправданием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.